

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ДЕНИС КИРЮХИН,

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии им. Г.Сковороды НАН Украины

СВЕТЛАНА ЩЕРБАК,

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии им. Г.Сковороды НАН Украины

Представления о справедливости в России и в Украине: повседневность и идеология¹

Abstract

It is the first comparative study of the representations of justice in Ukraine and in Russia. The research shows that ethical notion of justice predominate in Russia and in Ukraine. It says that in both countries the characteristic for traditional societies system of norms and values prevails. Besides, there are some significant differences between Russians and Ukrainians in the representation of justice. Russians people more often than Ukrainians defines justice as a category of law. It is evidence of development the different models of political culture in both countries (under the influence of dominating ideology) – aligned with state in Russian and aligned with society in Ukraine. Ideology of national revival and rehabilitation of historical justice peculiar to Ukraine opposes to ideology of sovereign democracy in Russia.

¹ Статья подготовлена в рамках российско-украинского научно-исследовательского проекта “Представления о стабильности и справедливости в России и Украине (идеологический и повседневный аспект)”, который осуществляется по результатам совместного конкурса Национальной академии наук Украины и Российского гуманитарного научного фонда – 2006 (проект №5-05/06-03-91311а/У. ОмГу).

Введение

Исследование повседневных представлений о справедливости представляет собой довольно сложную задачу. Прежде всего потому, что справедливость — это не только личностное свойство, или, как утверждал еще Аристотель, одна из высших добродетелей. Справедливость в равной мере является как этической, так и правовой категорией, выступает регулятивным идеалом социальных отношений и принципом легитимации права и государства и, как следствие, является необходимым элементом политической идеологии. Таким образом, доминирующие в обществе представления о справедливости отражают господствующую систему моральных ценностей и принципов, лежащую в основании политического развития общества. Поэтому наше исследование представлений о справедливости посвящено прежде всего проблеме ценностно-нормативных трансформаций современного украинского и российского обществ, проблеме легитимности демократических институтов и особенностям политической идеологии.

Роль представлений о справедливости как детерминирующих социально-политическую деятельность индивида стала возможной только в современном обществе. Для Платона (“Государство”, IV, 434e–435c), равно как и для Аристотеля (“Политика”, кн. А), различение справедливости в государстве и в отдельном человеке не является в полной мере различением между справедливостью как свойством институтов и справедливостью как свойством личности. Вспомним, к примеру, что, согласно Платону, справедливый человек не отличается от справедливого государства — как справедливое государство отличают три состояния, так и в человеческой душе, соответственно, есть начала мудрости, мужества и рассудительности.

Только в Новое время, когда дифференцируются сферы права, экономики, этики, вопрос справедливости приобретает свою “спецификацию” в разных сферах (этики, политики, социально-экономических отношений и права). Собственно, лишь в современном обществе справедливость становится социальной добродетелью и вместе с тем, с возникновением сферы политического, политической ценностью. Теория общественного договора, связанная прежде всего с именем Т. Гоббса, явилась первой попыткой обоснования преодоления природной несправедливости путем справедливой организации общества на принципах разума. Теория договора лишила справедливость того онтологического статуса, который она имела у схоластов (справедливость как атрибут Бога). Справедливость превратилась в регулятивную идею, определяющую систему социальных отношений и государственного устройства в современном обществе. Иными словами, в период Нового времени произошла своеобразная замена гнета религии гнетом справедливости, как в свое время удачно заметил Ш. Монтескье.

То есть формирование нормативного ядра современной демократии (в данном случае речь идет о либеральной демократии) стало возможным после современного разделения государства и общества, появления автономных сфер политики, права и морали и, как следствие, возникновения деонтологической концепции справедливости, предполагающей приоритет универсальных прав индивида над любыми культурно и исторически обусловленными концепциями блага. И не случайно, что в XX веке, развивая либеральную традицию, Дж. Ролз строит свою теорию справедливости как нейтральную по отношению к конкретным культурным нормам. Таким образом со-

временный либерализм ищет ответ на поставленную еще Аристотелем проблему практического *согласия индивидов* по поводу концепции справедливости, являющейся необходимым основанием для политической общности.

После краха коммунистических режимов большинство новых государств (Россия и Украина не были исключением) избрали своими приоритетами утверждение либеральной демократии и рыночной экономики. Однако быстрое разрушение прежней системы институтов, как оказалось, не привело с необходимостью к ориентации общественного сознания на нормы и ценности демократического общества, принятие которых обычно декларируется на различных уровнях власти. Более того, возник конфликт между нормативными требованиями доминирующей в обществе системы ценностей и требованиями, выдвигаемыми демократическими практиками. Поэтому крайне актуальным представляется изучение особенностей трансформационных процессов, связанных с повседневными представлениями о справедливости в украинском и российском обществах.

В меньшей степени наши данные дают основания для выводов о национальной ментальности украинцев и россиян (среди публикаций по этому вопросу можно выделить исторические исследования украинской ментальности М.Поповича, С.Крымского, Г.Грабовича, а также труды В.Колесова, посвященные российской ментальности). Однако мы можем сделать определенные выводы о политических ценностях, изучение которых актуально как для России, так и для Украины, а соответствующих исследований очень мало. Еще меньше исследований, посвященных влиянию господствующих этических и правовых представлений на нынешнюю трансформацию украинского и российского обществ. Хотя можно сослаться на многолетний мониторинг социальных изменений в Украине, проводимый Институтом социологии НАН Украины, а также на работы Н.Паниной и Е.Головахи об украинском социуме и Ю.Левады — о российском.

Сравнение России и Украины — сложная задача. С одной стороны, украинское и российское общества имеют многовековой период общей истории, что воплотилось во многих особенностях, в равной мере присущих обоим обществам. И Украина, и Россия — посткоммунистические государства, а значит, им, как и многим другим странам социалистического лагеря, свойственны и сложный процесс социально-политических и культурно-идеологических трансформаций, и кризис ценностно-нормативной сферы, и поиск новых основ социальной интеграции. Как и в большинстве посткоммунистических стран, в Украине и в России был задекларирован демократический выбор, и началось построение демократических институтов. Однако эти институты не имели ценностной легитимации из-за доминирования систем ценностей, свойственных домодерному обществу, — апелляция к традиционным ценностям и обоснование идентичности на этнокультурной почве превратились в господствующие тенденции в условиях трансформации ценностно-нормативной системы советского периода [1].

Но после краха коммунистического режима и возникновения в постсоветском пространстве независимых государств трансформационные процессы в Украине и в России проходят по-разному. Различаются и идеологии этих двух государств. Связанная с “организованным социальным действием” (М.Селигер), идеология предполагает определенные ценности, императивы, цели, на которые ориентируются социальные акторы, что задает конкретную направленность социальным процессам и во многом определяет

доминирующие в обществе представления. Соответственно, идеология является необходимой составляющей политического поля (используя терминологию П.Бурдье), обуславливающей деятельность акторов. С одной стороны, политические идеологии репрезентируют позицию определенной политической силы в пространстве политического поля. С другой — *господствующая идеология также служит почвой социальной интеграции, обеспечивая общественное согласие и подчинение, и в этой своей функции она необходима для обеспечения легитимности государственной власти*. Заметим, что в государствах с многопартийной системой и слабой государственной властью проблемой является именно отсутствие единой идеологии, способствующей консолидации общества. Следует подчеркнуть, что в данном случае понятие идеологии утрачивает свое однозначное негативное определение как “ложного сознания” и выступает необходимым элементом политической жизни. К тому же, как показывает Дж.Томпсон [см.: 2, с. 120], идеология является практикой, связанной с продуцированием значений в повседневной жизни. Иными словами, идеология — это не просто система ценностей, объединяющая людей; не просто система смыслов, определяющих то, как индивиды понимают общество и цели его развития, свое место в нем и принципы отношений между обществом и государством, властью. Идеология также является частью повседневной практики¹.

Нельзя не согласиться с замечанием, сделанным Дж.Ролзом в его “Теории справедливости”, о том, что предписания здравого смысла, являющиеся частью повседневной жизни людей, не могут быть возвышены до первых принципов. То есть представления, присущие повседневной жизни, как справедливо отмечает американский философ, не могут быть основанием для построения нормативной теории. Действительно, подобные представления лишены принудительной силы универсальности этических норм и принципов. Однако их изучение позволяет увидеть степень развития самого общества (если мы вообще можем говорить о существовании линейного развития этических представлений, как утверждает, к примеру, Л.Кольберг), степень ценностной легитимации имеющихся политических институтов.

Поэтому наше исследование имеет по крайней мере две задачи: 1) анализ повседневных представлений о справедливости; 2) сравнение представлений о справедливости в Украине и в России. В этой связи следует определить некоторые важные моменты.

Так, предыдущие исследования понятия справедливости, проводившиеся в России и в Украине, были направлены преимущественно на выявление значения, приписываемого справедливости повседневным сознанием. Примером служит исследование представлений о справедливости в России, осуществленное в 2000 году Фондом “Общественное мнение” (ФОМ) [4]. Некоторые исследователи просто исходили из определенного представления о

¹ Функционирование представлений на уровне идеологии хорошо проясняет концепция дискурса Э.Лакло и Ш.Муф [см.: 10]: множество плавающих (*flottant*) означающих структурируются в единое поле введением определенных узловых точек (тем, что Лакан называл “точка прикола” — *point de captation*), останавливающих плавание означающих — удерживающих их “на приколе”. Так, если закрепить плавающие означающие за полем “коммунизма”, то “классовая борьба”, которая в данном случае является узловой точкой, фиксирует их значения. Тогда, к примеру, справедливость определяется как устранение классового неравенства — как равное распределение доходов [подр. см.: 3].

справедливости — например, о социальной справедливости как категории, отражающей отношение к социальному неравенству, но не обосновывали правомерность именно такого толкования справедливости. Примером такого подхода может служить исследование Р.Рывкиной [5], в котором респондентам был поставлен вопрос, какое общество они считают справедливым.

На основании того факта, что 66% опрошенных назвали справедливым то общество, в котором все люди живут примерно одинаково, тогда как только 15% справедливым считают общество, в котором “люди живут по-разному: одни — очень зажиточно, а другие — очень бедно”, Р.Рывкина делает вывод, что массовое сознание жителей современной России является эгалитаристским. Однако подобный вывод представляется некорректным, поскольку исследовательница предложила респондентам, по сути, всего два варианта ответа, диаметрально противоположных по смыслу и отражающих крайние варианты распределения социальных благ, явно проигнорировав другие варианты. К тому же в исследовании не учтен такой момент, как ориентация на определенный уровень жизни, а также слишком сужено понятие эгалитаризма.

Весьма интересен мониторинг “Россия, Украина, Беларусь, Казахстан: сходство и различие массового сознания как фактор интеграции/деинтеграции” за 2005 год [6], в котором анализируются ценностные установки массового сознания в указанных странах. В мониторинге сделан важный для нас вывод о неоднородности массового сознания, отсутствии господствующей системы ценностей. Кроме того, хотя между исследуемыми странами существуют некоторые различия в плане ценностных установок, они не имеют принципиального значения — ценностные профили практически совпадают. По мнению исследователей, это дает основания для вывода о том, что для постсоветских государств сочетание противоположных ценностных ориентаций (эгалитаризм и патернализм, с одной стороны, и либерально-демократические ценности — с другой) является общей тенденцией. Иными словами, наряду с “прозападными” ценностями индивидуализма, конкуренции, личной инициативы наблюдаются специфические черты массового сознания “советского типа”. К аналогичным выводам пришли Е.Головаха и Н.Панина, подчеркивая свойственное сегодня Украине противоречие между легальностью демократических институций и легитимностью “традиционалистской модели консолидации и развития украинского общества” [1, с. 50].

Сравнительные исследования, в которых представления о справедливости наряду с другими представлениями взяты в качестве показателя ценностно-нормативных установок повседневного сознания либо исследуется место справедливости как ценности среди прочих ценностей, оставляют непроясненным то, как именно понимается справедливость. Примером могут служить исследования украинского общества Исследовательским центром “Имидж-Контроль”, показавшие, что большинство украинских граждан ориентируются на ценности стабильности и справедливости, однако содержание, которым респонденты наполняют эти категории, авторы исследования выявляют путем кластерного анализа, в данном случае не позволяющего понять особенности интерпретации справедливости [подр. см.: 4].

Как видим, хотя понятие справедливости интуитивно понятно для обычного сознания, попытка раскрыть его содержание часто наталкивается на существенные трудности. Об этом свидетельствует и исследование ФОМ в России, проведенное в 2000 году ($N = 1500$) — треть респондентов вообще от-

казались отвечать на вопрос о том, что такое справедливость. Кстати, это единственное исследование, в котором целью было именно содержательное прояснение обыденных представлений о справедливости в целом. Правда, есть ряд исследований отдельных аспектов представлений о справедливости. Это, в частности, изучение социальной справедливости М.Назарова [8], а также исследование обыденных представлений о справедливости правовых решений и их связи с правовым поведением О.Гулевич и Е.Голынчик [9].

На наш взгляд, содержательная экспликация обыденных представлений о справедливости, особенно в контексте сравнения представлений граждан разных стран, может дать интересные результаты. Так, можно обнаружить некоторые важные различия в толковании справедливости, что поможет лучше понять направления трансформации ценностно-нормативных систем российского и украинского обществ в посткоммунистический период. Можно также в определенной мере выяснить влияние политических идеологий на обыденные представления о справедливости.

Методика исследования

Респондентам из России и Украины был предложен для ответа открытый вопрос: “Как вы понимаете слово “справедливость”, что оно означает?”

Ответы на открытый вопрос не позволяли выяснить, какие типы справедливости доминируют в обществе, поскольку далеко не всегда ответ можно было интерпретировать как определенное понимание респондентом справедливости — дистрибутивное (распределительное), ретрибутивное (то есть воздаятельное), коммутативное (то есть обменное) и т.п. В большинстве случаев более или менее однозначно можно было определить лишь то, к какой именно сфере — морали, политики, права, этики, экономики — относит респондент справедливость. Вместе с тем, распределение ответов по “сферам справедливости” (понятие М.Волзера), то есть как этической, правовой, политической или социально-экономической категории, представляет интерес в теоретическом плане, поскольку дает возможность не только определить, как именно понимают справедливость, но и проследить господствующую в обществе ориентацию — на мораль, право, сферу политических или экономических отношений.

Результаты уже проведенных исследований, а также социально-философского анализа современного украинского и российского общества дают основания для ряда гипотез: во-первых, существенные различия между гражданами России и Украины в понимании справедливости отсутствуют; во-вторых, преобладает толкование справедливости как этической категории; в-третьих¹, развитие нравственного сознания в обоих обществах находится на переходной стадии между конвенционной и постконвенционной стадиями (согласно классификации Л.Кольберга).

Опираясь на концепцию М.Волзера, авторы в процессе анализа не ограничили группировкой ответов, как это сделал ФОМ, а отнесли полученные группы к разным “сферам справедливости” (учитывая, что шкала номинальная, был возможен только качественный анализ). Полученные группы из-за их большого количества не позволяли осуществлять какие-либо срав-

¹ По данным ФОМ, 38% опрошенных определили справедливость как моральную норму.

нения и выявлять значимые различия в представлениях о справедливости в России и Украине. Но, как показало исследование, группирование ответов исходя только из “сфер справедливости”, как планировалось в начале исследования, не дает возможности обнаружить некоторые содержательные различия между представлениями о справедливости в России и Украине.

Анализ продемонстрировал, что не все ответы можно уверенно отнести к какой-либо одной сфере — этической, политической, правовой или социально-экономической. В некоторых из них с очевидностью пересекались, скажем так, нравственно-этическое и правовое понимание справедливости. А некоторые ответы из-за их неоднозначности вообще нельзя было отнести ни к одной из сфер, — в итоге их пришлось сгруппировать отдельно. Предложенные ниже интерпретации сгруппированных ответов следует рассматривать как гипотетические — они лишь создают почву для дальнейших качественных исследований.

Результаты исследования

Опрос проводили ROMIR Monitoring в России ($N = 1612$, погрешность репрезентативности $\Delta = 2,5\%$) и КМИС в Украине ($N = 1003$, погрешность репрезентативности $\Delta = 3,2\%$).

Объяснить, что такое справедливость, решились 4/5 всех опрошенных. В Украине 19,9%, а в России 21,2% затруднились с ответом или дали ответ не по теме (см. табл.).

В целом особой разницы в ответах респондентов из России и Украины не обнаружено. Ответы подобны и по смыслу, и по форме, поэтому приводим их в смешанном порядке. Случаи, когда наблюдаются расхождения между ответами россиян и украинцев, указаны отдельно.

Как оказалось, и в России (35,4%), и в Украине (38,8%) справедливость понимают преимущественно как **этическую категорию**. Это подтверждает гипотезу о доминировании этики в представлениях о справедливости. Причем чаще всего (21,8% в Украине и 18,7% в России) встречаются ответы, в которых справедливость определяется как *личностное качество или характеристика индивидуального действия*: “честность, порядочность, чувство ответственности”, “говорить правду, не обманывать”, “честное отношение к окружающим, совесть”, “умение держать слово”, “честность”. Как видим, “честность” является главной характеристикой человека или его поступков, рассматривающихся как справедливые. Среди ответов этой группы встречаются определения типа “поступки по совести”: “жить по совести, как подсказывает внутренний духовный мир”, “высшая степень совести”.

Следующей по величине группой (правда, только в украинском массиве) среди ответов, в которых справедливость интерпретируется с моральной точки зрения, является *справедливость как характеристика intersубъективных отношений*: “добрые отношения между людьми”, “это когда люди уважают друг друга и живут по правде”. Здесь акцентируется, главным образом, взаимность, доверие, взаимоуважение, согласие: “получать от людей такое отношение к себе, как ты к ним относишься”, “это взаимоуважение”, “чтобы люди доверяли друг другу, тогда все будет справедливо в жизни”, “согласие среди граждан”. То есть справедливость истолковывается как норма, или скорее регулятивный идеал intersубъективных отношений.

Интересно, что среди ответов украинских респондентов таких больше, чем среди ответов россиян (8,0% по Украине против 3,5% по России).

Таблица

**Сравнение оценок справедливости респондентами
России (N = 1612) и Украины (N = 1003)**

Группы	Частотное распределение, %	
	Украина	Россия
1. Справедливость как этическая категория	38,8	35,4
1.1. Справедливость как личностное качество и характеристика поступка	21,8	18,7
1.2. Справедливость как характеристика intersубъективных отношений	8,0*	3,5*
1.3. Все по-честному	4,8	4,2
1.4. Правда, истинность	2,5*	4,3*
1.5. Нормативная правильность	0,9*	4,0*
1.6. Религиозное понимание справедливости	0,7	0,5
2. Справедливость как правовая категория	8,6*	15,4*
2.1. Равноправие, соблюдение прав и свобод человека	1,6*	3,9*
2.2. Соблюдение закона	6,6	8,2
2.3. Наказание незаконного поступка	0,4*	3,3*
3. Недифференцированное этико-правовое понимание справедливости	5,2*	1,3*
4. Справедливость как социально-экономическая категория	6,2	6,6
4.1. Равенство в распределении общественных благ	2,6	2,4
4.2. Справедливая оплата труда, достойная жизнь	3,3	3,6
4.3. Равенство возможностей	0,3	0,7
5. Недифференцированное понимание справедливости как социально-экономической и этической категории	5,3	4,9
5.1. Справедливость как социально-этическая категория	1,8	0,0
5.2. "Воздаяние по заслугам"	3,5	4,9
6. Справедливость как политическая категория	5,3	6,4
6.1. Государственная социальная защита	2,5	3,8
6.2. Честность власти	2,8	1,2
6.3. Лидер как гарант справедливости	0,0	0,3
6.4. Закон и порядок	0,0	1,1
7. Справедливость как равенство	4,4	4,1
7.1. Одинаковое отношение ко всем	2,1	2,4
7.2. Всеобщее равенство	2,3	1,8
8. Справедливости нет	6,4	4,6
9. Не знаю/ответ не по теме	19,9	21,2
Всего	100	100

* Различия значимы на уровне 0,05.

Ответы, определявшие справедливость как “*все по-честному*”, вообще крайне трудно интерпретировать без дополнительных исследований. Респонденты могли вкладывать в свои ответы разные смыслы — от нормы индивидуального поведения до требования социальной справедливости и стремления к честной власти.

Некоторые респонденты, в основном россияне (4,0% против 0,9% опрошенных из Украины), определили справедливость как *нормативную правильность*: “соблюдение правил образа жизни”, “когда люди поступают по определенным моральным устоявшимся правилам”.

Кроме того, есть ответы, в которых неявно постулируется существование, так сказать, онтологической истинности, а справедливость понимается с позиции соответствия этой истине: “неоспоримая истина”, “то, что соответствует истине”. Иногда справедливость определяется как “правда”, причем под правдой имеют в виду как отсутствие лжи, так и истину¹. Иногда речь идет и об “объективности”, “правильном толковании событий”. Все эти ответы мы объединили под рубрикой “*Правда, истинность*”.

По результатам исследования гипотеза авторов об отсутствии существенных различий между жителями России и Украины в понимании справедливости не подтвердилась. Как оказалось, между ними существуют *статистически значимые различия*, а именно: только 8,6% украинских респондентов против 15,4% российских определили справедливость как **правовую категорию**. При этом 1,6% опрошенных из Украины и 3,9% из России определили справедливость как *равноправие, соблюдение прав и свобод человека*: “когда защищены права и достоинство человека”, “иметь со всеми одинаковые права, а если шире — то и их гарантии”, “соблюдение прав человека по Конституции”, “соблюдение прав и свобод граждан”. Более важным, чем права для жителей как Украины (6,6%), так и России (8,2%) оказалось *соблюдение закона всеми членами общества*: “соблюдать букву закона независимо от социального статуса”, “всем поступать по закону и закон одинаков для всех — и олигархов, и простых людей”, “жить по Конституции РФ”.

Любопытно, что граждане России чаще, чем украинские, придают *значение* наказанию, с акцентом на равенстве перед законом: “одинаковые наказания для всех, независимо от статуса”, “если нарушил закон, следует наказание”. Среди ответов из украинской выборки, отнесенных к этой группе, преобладают ответы “бандиты должны сидеть в тюрьмах” — один из наиболее распространенных лозунгов периода “оранжевой революции”.

Следует добавить, что указанное различие обнаружено, поскольку авторы отнесли к отдельной группе ответы, в которых **правовое и этическое понимание справедливости сливаются**: “когда все, независимо от пола, возраста, материального положения, соблюдают моральные принципы, законы”, “когда все равны перед законом, люди руководствуются моральными

¹ Заметим, что правдоискательство как стремление к “высшей” справедливости традиционно является одной из важнейших составляющих конструирования образа “русского характера”, “русской души”. Это находит отражение как в российской литературе и философии, так и в современной прессе. На этом основании правдоискательство, воплощаемое в народном бунтарстве, противопоставляют государственной законности, которая, соответственно, рассматривается как несправедливая по сути. Исходя из этого, можно было бы ожидать большего количества ответов подобного содержания.

ценностями”, “не обижать человека, жить по закону, честно жить и работать”. В этих ответах четко выражена интуиция, согласно которой только честный человек добровольно будет соблюдать законы, поэтому соблюдение законов наряду с честностью предстает в виде нормы индивидуального поведения. В основном подобные ответы отражают справедливость скорее как этическую категорию.

Это же касается ответов типа: “честность, равноправие, миролюбие, правда”, “равноправие, честное отношение друг к другу, добропорядочность”. По всей видимости, здесь равноправие выступает как норма intersубъективных отношений, можно сказать, как один из факторов, обеспечивающих общественное согласие. Кроме того, в смешанных ответах такого типа моральным и правовым нормам приписывается, скажем так, одинаковая сила. Это весьма красноречивый факт, свидетельствующий о значимости консервативной идеологии — правовое сознание граждан оказывается недостаточно развитым, поскольку отсутствует различие между соблюдением правовых норм и личными свободами (в духе либеральных ценностей). Причем ответов такого типа значительно больше именно в Украине.

Справедливость как социально-экономическую категорию отображают ответы, в которых речь идет об уровне доходов, качестве жизни и базовых возможностях. Заметим, что требование *равенства в распределении общественных благ* (“всем все поровну”, “это когда все живут одинаково”, “как было при коммунистах, не было такого разделения на богатых и бедных”) встречалось в ответах значительно реже, чем можно было ожидать.

Несколько больше опрошенных россиян и украинцев определили справедливость как *заслуженную оплату труда*, сделав акцент не на равенстве доходов, а на **качестве жизни**: “нормальная зарплата и пенсия, каждый человек заслуживает достойной жизни”, “иметь возможность лечиться и питаться необходимым”, “достойная жизнь”, “это достойная жизнь для всех без исключения, а не для отдельных людей в ущерб другим”, “это когда все живут в достатке”. Как видим, речь идет не о высоком материальном положении, а об обеспечении базовых потребностей и расширении возможностей в духе государства всеобщего благоденствия [10]. Это же касается ответов, в которых справедливость определялась как *равенство возможностей* для всех: “чтобы люди в равной степени имели возможности получить образование, медицинскую помощь”, “это равенство возможностей как для Ющенко, так и для рядовой пенсионерки”.

Интересно, что в украинском массиве есть группа ответов, в которых справедливость выступает в качестве **социально-этической категории**: “правда, благосостояние”, “честность в отношениях: кто работает, тот ест — принцип жизни”, “честность, право на хорошую пенсию”. В российской выборке такого рода ответы вообще не встречаются. В ответах в духе *“воздаяния по заслугам”* также сочетается этический и социально-экономический подтекст. Можно сказать, что для респондентов, ответивших таким образом, социальная справедливость является моральной ценностью. Причем социальная справедливость не в смысле всеобщего равенства или равного распределения, а в том смысле, что личные усилия, в частности трудовые, а также моральные качества и действия должны приводить к вознаграждению в виде социальной успешности: “что заслужил человек, то пусть и получает”, “хорошо работаешь — хорошо имеешь”. Иначе говоря, требование вознаграждения индивидуальных усилий имеет силу нравственно-этической

нормы, которая иногда подкрепляется представлениями в духе “принципа кармы”: “жизнь наказывает нерадивых и вознаграждает честных тружеников”.

О социальной справедливости речь идет и в ответах, где справедливость трактуется как расширение базовых возможностей населения, социальная защищенность. Но, в отличие от группы ответов под рубрикой “справедливая оплата труда, достойная жизнь”, в этих четко указано, что именно власть или государство должны обеспечить своим гражданам определенный уровень жизни — доступ к образованию, медицинским услугам, высокий уровень доходов и т.п. (поэтому такие ответы были отнесены к политической сфере). Иначе говоря, они ориентированы на *государственную социальную защиту*: “когда всем равномерно дают блага, защищает страна”, “это когда государство заботится о своих гражданах”, “государство должно заботиться о простых гражданах (высокие пенсии и зарплаты)”. Есть даже высказывание, что справедливость — это Советский Союз. Следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев в ответах этой группы речь идет не о защите малозащищенных слоев населения, а о том, что государство должно обеспечить своим гражданам определенный уровень благ.

Справедливость как *честность власти* украинцы более чем вдвое чаще упоминают, чем россияне: “правдивость, честность чиновников, должностных лиц”, “отношение правительства к людям должно быть в рамках закона”, “честное и некоррупцированное государство”, “чиновники работают на государство, а не на себя”. Здесь, как и в предыдущей группе ответов, справедливость предстает как **политическая категория**.

В целом именно в ответах, затрагивающих роль государства, российские и украинские массивы отличаются наиболее содержательно. Так, в высказываниях жителей Украины акцентируется прежде всего коррумпированность, нечестность власти, которая “живет только для себя” и не заботится о простых людях. Присутствуют и обвинения в бандитизме: “если власть у бандитов, о таких, как я, никто не думает, отсутствие законов”. В ответах россиян изредка встречаются апелляции *к порядку и закону*, а также к *сильному лидеру как гаранту справедливости*: “сильный лидер”, “справедливость — это Путин”. Среди украинских ответов совсем нет подобных высказываний.

К отдельной группе были отнесены ответы под рубриками “*равенство во всем*”, а также “*одинаковое отношение ко всем*”. С одной стороны, такие ответы не поддаются однозначной интерпретации — они содержат и этические, и политические, и социально-экономические, и правовые коннотации. Например, “равенство во всех сферах для всех людей”, “условия равные для всех”. Здесь трудно определить, что именно имеется в виду — равный доступ к общественным благам, равенство перед законом, равные возможности и т.п. В целом есть определенные основания предполагать, что “равенство во всем” касается скорее не дистрибутивной справедливости (все поделить поровну), а является **требованием социальной гомогенности советского типа**. То же можно предполагать и в отношении ответов типа: “ко всем одинаковое отношение, не выделять никого и не обделять”, “отношение ко всем одинаковое, независимо от должностей и званий”. Все ответы этой группы имеют безличную форму — следовательно, речь идет о нормативном принципе общественных отношений, когда все члены общества равны (вероятно, перед властью): “это когда ко всем людям относятся одинаково во всех

отношениях: отношение по выплате зарплаты, требования по работе и одинаковая социальная защищенность”, “это отношение, равное ко всем гражданам без привилегий одних и других”.

Выводы

Долгое время доминировало мнение, что развитие стран, освободившихся от диктата коммунистической идеологии, неминуемо будет идти в направлении утверждения демократических ценностей и институционализации демократических процедур. Однако трансформации, произошедшие в посткоммунистических странах за последние пятнадцать лет, свидетельствуют о том, что ситуация далеко не так однозначна. В лучшем случае многие из этих стран можно определить как “либеральные демократии”, поскольку при наличии демократических процедур формирования власти там нарушаются такие базовые демократические принципы, как соблюдение гражданских, политических, культурных прав индивида. “Отсутствующая республика” — так охарактеризовал современную Румынию Д.Барбу [11, с. 27], подчеркивая тем самым отсутствие в ней публичного пространства (*Offentlichkeit*), в котором бы действовали граждане как автономные публичные акторы.

Почему либерализм (в данном случае — либеральная концепция справедливости), претендующий на роль процедуры, реализуемой на основе нейтральных принципов, до сих пор не утвердился во многих посткоммунистических обществах (в том числе в российском и украинском)? Ведь либеральные ценности были провозглашены базовыми для этих обществ, а демократические институты стали элементом новой политической системы. Вместе с тем представления о справедливости, доминирующие в повседневности, имеют преимущественно традиционный характер, а публичность как процедура согласования конкурентных представлений о благе не развивается. Дело в том, что сам либерализм не является таким ценностно нейтральным, как утверждают его приверженцы. Он неминуемо будет отклонен, если господствующие в обществе ценности не будут соответствовать принципу индивидуальных прав и процедурной справедливости, очерченной в теории справедливости Дж.Ролза. Это, судя по всему, и стало главной причиной того, что демократические институты не получили ценностной легитимации в современных российском и украинском обществах.

Мы видим, что ответы жителей России и Украины не слишком отличаются между собой. Анализ показывает, что справедливость в представлениях опрошенных варьирует от статуса индивидуальной характеристики до принципа общественного строя. Можно выделить наиболее распространенные формы представления справедливости в повседневном сознании, в которых сочетаются разнообразные интуиции.

Во-первых, справедливость предстает в форме *честности*, как личностная честность — и перед самими собой, и перед другими (в интересующих отношениях), честность власти, честность в оплате труда, честность как основной принцип устройства справедливого общества. Во-вторых, имеем справедливость как *равенство*: равенство перед законом (в частности перед наказанием), перед властью, равенство в правах, в распределении благ и возможностей, равенство социальных позиций. В-третьих, справедливость понимают как *восстановление справедливости* — отплату, наказание, благо-

дарность, вознаграждение и т.п. И наконец, справедливость толкуют как *соблюдение норм и/или законов*.

Характеристика же современного украинского общества как находящегося на стадии перехода от конвенционного к постконвенционному уровню развития морального сознания [12, с.10] не слишком оправдана и может применяться только метафорически.

Прежде всего критика, которой подвергают теорию развития морального сознания Л.Кольберга, заставляет усомниться в ее обоснованности. Свою теорию Лоуренс Кольберг разрабатывал на основании исследования развития индивидуального сознания. Именно на эту теорию ссылается Ю.Хабермас для обоснования принципов универсалистской морали и опровержения позиции сторонников культурного релятивизма. Чтобы распространить стадии развития морального сознания индивида на развитие общественного сознания, Хабермасу пришлось допустить соответствие между индивидуальным развитием и социальной эволюцией. Однако в дальнейшем, уточняя свою позицию, он признал попытки делать заключения об уровне развития морального сознания общества проблематичными [13, с. 165, 258].

Вместе с тем теория Л.Кольберга базируется на идее эволюции нравственно-этических представлений индивида благодаря обучению. Но такой подход неоправдан в его применении к обществу, ведь, например, определенное представление о доминирующей справедливости, как правило, не является результатом обучения, а проявлением либо общественного консенсуса, либо господства.

Исследование подтвердило, что и в России, и в Украине доминирует понимание справедливости как этической категории. Только украинские граждане в большей мере понимают справедливость как личностное качество, а также как характеристику intersубъективных отношений, тогда как россияне чаще подчеркивают, наряду с характеристикой личности, аспект нормативной правильности. Это свидетельствует, вероятнее всего, о том, что и для российского, и для украинского общества господствующей является ценностно-нормативная система, свойственная традиционному обществу с его социальностью типа *Gemeinschaft* (нем. — общность, единство, единение).

Однако гипотеза о том, что нет никакой существенной разницы в представлениях о справедливости в России и Украине, не подтвердилась. Результаты исследования свидетельствуют, что, по сравнению с украинцами, большее количество россиян связывают справедливость с правом и государством (и это различие статистически значимо). Данная ситуация обусловлена особенностями политической культуры и политического строя этих государств.

Формирование в современной Украине своей идентичности — и эта тенденция доминирует на идеологическом уровне — происходит путем противопоставления себя России (конструирование образа России как *другого* [14]). Особое место здесь занимает оценка имперского периода общей украинско-российской истории. Не случайно одним из господствующих идеологических концептов в Украине сегодня является “историческая справедливость”, поскольку сама украинская история в национал-демократическом дискурсе (базовом для современного этапа украинской государственности) оценивается как осуществление несправедливости в отношении целого народа путем подавления национального развития, вследствие чего нация не имела возможности создать собственное государство.

Примечательно, что концепт исторической справедливости фактически не получил отражения в ответах ни украинских, ни российских респондентов. Впрочем, тема исторической справедливости — одна из главных позиций консервативной идеологии, которую развивает нынешний Президент Украины. В отличие от В.Путина, который в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (2005) определяет справедливость как равные возможности развития для всех, лучшую жизнь для всех, В.Ющенко отождествляет этику и право в интерпретации справедливости и представляет ее, в гегелевских терминах, как элемент субстанциональной нравственности. Однако фактическое отсутствие апелляции к исторической справедливости в ответах украинских респондентов, очевидно, связано с отсутствием в украинском обществе интеграции на этнонациональных или культурно-национальных основаниях, что делает невозможным доминирование концепта нации.

В отличие от Украины, где идея государственности еще остается подчиненной идее национально-культурного возрождения, одну из главных задач современной России — обеспечить историческую преемственность в развитии государства и не превратиться в национальное государство, поскольку это может разрушить ту наднациональную идентичность, которая, собственно, и составляет фундамент российской государственности. Поэтому отнюдь не случайно идеология “суверенной демократии” [15], которую развивает нынешняя российская власть, отдает приоритетную роль именно государству как гаранту политического и социально-экономического развития России. При некоторых допущениях, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что граждане Украины в большей мере ориентированы на общество, а россияне — на государство. Идеологии национального возрождения и восстановления исторической справедливости, присущей Украине, противопостоят государственническая идеология в России.

В связи с этим показательно наличие в российской выборке ответов, которые связывают справедливость с Президентом России (например, “справедливость — это Путин”), а также повторяют предвыборный лозунг “Единой России” — “Порядок, законность, развитие и справедливость”. Это объясняет и такое весомое количество упоминаний в российских анкетах (в отличие от украинских) “объективных” понятий порядка, наказуемости, дисциплины, нормы, присущих этатистскому правосознанию.

В Украине, наоборот, монополию на “идеологию справедливости” захватила лидер нынешней парламентской оппозиции Ю.Тимошенко (и в украинской выборке есть ответ “справедливость — это то, за что борется Тимошенко”). При этом консервативную идеологию Президента Украины В.Ющенко, основанную на ценностях традиционного общества, поддерживает лишь часть общества, что отражается, в частности, в распределении ответов по регионам. Так, в Восточном регионе доминирует социально-экономическое и недифференцированное этико-экономическое представление о справедливости и одновременно наблюдается наименьшее количество ответов, в которых справедливость выступает этической категорией. А вот в Центральном и Западном регионах картина почти противоположная — социальная справедливость находит здесь незначительную поддержку. Вместе с тем жители Восточной Украины интерпретируют справедливость как социальную защищенность и честность власти, тогда как жители Запада в основном так не считают. Кроме того, на Востоке Украины более распространено мнение, что сейчас в стране справедливости нет (весьма нежиз-

данным оказалось противоположное мнение жителей Юга). Других статистически значимых связей не обнаружено. Таким образом, Восточная Украина отличается от Центральной и Западной Украины в том, что касается ценностно-нормативных основ интеграции общества.

Литература

1. Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до “оранжевой революции” // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 32–52.
2. Филлипс Л., Йоргенсен В. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков, 2004.
3. Щербак С.И. Повседневность и идеология: понятия справедливости и стабильности // Вестник Омского университета. Сер.: Социология. — 2006. — № 1. — С. 64–71.
4. Понятие “Справедливость” // http://bd.fom.ru/report/map/special/89_15483/688_15621/d002729.
5. Рывкина Р. Социальная справедливость и общественное мнение // Свободная мысль — XXI. — 2005. — № 10. — С. 45–59.
6. Росія, Україна, Беларусь, Казахстан: подібність і відмінність масової свідомості як фактор інтеграції/дизінтеграції” // <http://www.eurasianhome.org/xml/t/socials.xml?lang=ru&nic=socials&pid=10#ch2>.
7. Кирюхин Д.И. Идеологический фактор социально-политических трансформаций в современном украинском обществе: борьба за справедливость // Вестник Омского университета. Сер.: Социология. — 2006. — № 1. — С. 50–57.
8. Назаров М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст // Социологические исследования. — 1999. — № 11. — С. 41–50.
9. Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Обыденные представления о справедливости правовых решений // Психология : Журнал Высшей школы экономики. — 2005. — Т.2. — № 2. — С. 119–122.
10. Сен А. Развитие как свобода. — М., 2004.
11. Habermas J. *Autonomy and Solidarity*. — L., 1992.
12. Єрмоленко А. Монологічна та дискурс-етична моделі відповідальності у суспільстві за доби реконструкції // Цінності громадянського суспільства і моральний вибір: український досвід. — К., 2006. — С. 7–12.
13. Vaga E. Romania’s Western Connection: Timisoara and Timis County // *The Making of Regions in Post-Soviet Europe — the Impact of Culture, Economic Structure and Institutions. Case Studies from Poland, Hungary, Romania and Ukraine*. — Wiesbaden, 2004. — Vol. 2. — P. 25–47.
14. Нойманн И. Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М., 2004.
15. Суверенная демократия. От идеи к доктрине. — М., 2006.